

Сырость и металлический привкус крови медленно просачивались в сознание, увлекая его в вязкую, беспросветную мглу.

Цзянь Хуай чувствовал невыносимую тяжесть. Последние шестнадцать лет стремительным потоком проносились в его сознании, вспыхивая яркими всполохами. Голова раскалывалась от боли, но он никак не мог заставить себя открыть глаза и окончательно очнуться.

У времени своя память. Оно оставляло следы даже там, где Цзянь Хуай пытался отгородиться безразличием. И теперь, когда ему казалось, что всё кончено, прошлое обрушилось на него, подобно молнии, прорезавшей грозовые тучи, и принесло с собой обжигающую, глубокую боль.

Цзянь Хуай плотно зажмурился. Его ресницы лихорадочно дрожали — он отчаянно пытался ускользнуть от воспоминаний, от которых не было спасения. Перед мысленным взором колыхались густые травы, а морозящий дождь окутывал мир туманной завесой. Капли падали на сочную изумрудную зелень луга.

Станный аромат, смешанный с влажным дыханием дождя, витал в воздухе и оседал на его густых ресницах.

Он плакал.

В своём затянувшемся сне он едва слышно шептал:

— Отец...

Слова звучали отстранённо, но в них слышалось сокрушительное горе.

Во мраке, где он то погружался в забытие, то всплывал на поверхность, его вновь накрыло удушье. Но стоило невыносимой боли прорваться наружу, как горячий солнечный свет коснулся дрогнувших век, подобных крыльям чёрного ворона. Он медленно открыл глаза, обнажив тёмные, почти чёрные зрачки.

На щеках остались влажные дорожки, а нежно-голубая наволочка под его головой потемнела от слёз, которые тут же впитались, не оставив и следа.

В глазах отразились блики света, и в комнату, заслоня сияние, вошёл человек.

— И что за чудесный сон тебе привиделся? — спросил гость, склонившись над ним с понимающей усмешкой.

Цзянь Хуай несколько раз моргнул, пытаясь сфокусировать взгляд на спокойном, породистом лице.

— Увидел тебя — и словно в кошмар попал, — голос его звучал хрипло и надтреснуто.

Мэнь Чэнь лишь пожал плечами.

— Тогда расскажи мне об этом кошмаре, а я попробую тебя утешить.

Он положил ладонь на плечо Цзянь Хуая и, слегка надавив, помог ему сесть.

В обычное время Цзянь Хуай проигнорировал бы доктора, но сейчас он лишь отрешённо смотрел в окно. Спустя долгое время он всё же заговорил:

— Мне казалось, я видел очень длинный сон. В нём повсюду лил серый дождь, бесконечный и холодный. Он падал на меня... — Он прижал бледную ладонь к груди. — И было так больно.

— Ты помнишь, что там происходило? — Мэнь Чэнь присел на край кровати, приподняв бровь.

— Или, может, помнишь кого-то?

Цзянь Хуай промолчал. Он опустил руки и сплёл тонкие пальцы. Сквозь почти прозрачную кожу было видно, как подрагивают голубоватые вены. Ему почудилось, что кончики пальцев всё ещё влажные от того воображаемого дождя, но стоило их потереть друг о друга, как ощущение исчезло — кожа была сухой.

Мэнь Чэнь не торопил его, терпеливо ожидая ответа.

— Не помню деталей. Помню только ледяной дождь и вязкую жижу под ногами. Я будто был заперт в замкнутом пространстве и не мог вырваться. Эта слизь поднималась всё выше, заливая тело, подбородок, губы, нос... Пока не накрыла с головой. Я задыхался. Я не мог кричать, не мог открыть глаза. Не было слов, не было дел, не было никого рядом. Пустота и одиночество.

Цзянь Хуай крепко сжал ладони.

— И никто не мог меня спасти... Вокруг стояла абсолютная тишина, и только мерный шорох дождя отдавался в ушах. Мне было так плохо, словно я уже умер.

За окном всю властвовала весна. Старое, могучее дерево в углу двора, росшее там не один десяток лет, покрылось цветами. Лёгкий ветерок подхватывал лепестки и заносил их в комнату.

— Цветы... — прошептал Цзянь Хуай, не отрывая взгляда от белоснежного лепестка, упавшего на одеяло. — Расцвели.

Мэнь Чэнь пристально смотрел на профиль Цзянь Хуая — бледный, почти прозрачный. За последние шесть лет этот юноша ни разу не обратил внимания на смену времён года. Он жил с застывшим, холодным лицом, и круговорот жизни никогда не касался его равнодушных глаз. Ни человек, ни дерево, ни цветок не могли пробиться к его наглухо закрытому сердцу.

«Пусть он ещё не знает радости, — подумал доктор, — но он хотя бы научился чувствовать печаль».

Сейчас, когда Цзянь Хуай заворожённо наблюдал за летящими лепестками, он наконец-то походил на живого человека, а не на бездушную куклу.

***

Шэн Вэньяо вошёл в палату, одетый в простую белую рубашку и чёрные брюки. Увидев Цзянь Хуая у окна в безразмерной больничной пижаме, в которой тот казался ещё более хрупким и незащищённым, он на мгновение замер.

Шэн Вэньяо поджал губы и негромко постучал костяшками пальцев по двери, которая уже бесшумно закрылась за его спиной.

— Цзянь Хуай. Брат пришёл.

Услышав голос, юноша обернулся, но ничего не ответил. Шэн Вэньяо подошёл ближе, сел рядом и осторожно коснулся его волос. В его жёстком голосе проскользнули непривычные, мягкие нотки:

— На что ты смотришь?

— Цветы распустились, — отозвался Цзянь Хуай. — Весь двор в лепестках.

Он положил тонкие пальцы на холодную железную решётку окна. Его взгляд скользил по зеркальной глади озера, по которой ветер гнал лёгкую рябь, унося светлые лепестки вдаль.

— Красиво? — спросил Шэн Вэньяо.

Цзянь Хуай прищурился, вглядываясь в даль.

— Наверное, да. Красиво.

Шэн Вэньяо приложил горячую ладонь к его ледяной щеке и мягко, но настойчиво заставил юношу повернуться к себе.

— Доктор Мэнь говорит, тебе стало лучше.

Он всматривался в глубокие, тёмные глаза Цзянь Хуая.

— Хочешь спуститься вниз, погулять?

Цзянь Хуай почувствовал, как чужое тепло передаётся ему. Он лишь поджал губы, храня молчание.

— Если хочешь — пойдём. Если нет — посидим здесь.

Шесть лет. Целых шесть лет Цзянь Хуай провёл в четырёх стенах этой комнаты, ни разу не переступив порога.

Шэн Вэньяо смотрел на него, и перед глазами всплывали картины прошлого. Он помнил Цзянь Хуая с окровавленной грудью, распоротой осколком фарфоровой тарелки. Вспоминал, как нашёл его в ванной — юноша безвольно уходил под воду, а его чёрные волосы разметались в прозрачной глубине, словно он погрузился в самый безмятежный сон. Видел его лицо, залитое кровью из раны на лбу — холодный взгляд, полное отсутствие желания жить.

Цзянь Хуай всегда обладал этой высокомерной, ледяной красотой. Лишённый эмоций, он бесконечно спрашивал Шэн Вэньяо: «Кто ты?», и самого себя: «Кто я?»

Шэн Вэньяо был рядом все эти шесть лет. Он нашёл его, когда ему самому было девятнадцать, и с тех пор не отходил ни на шаг. Никто не знал, чего ему это стоило. Родители Цзянь Хуая даже не подозревали, что их сын найден — он спрятал своё сокровище от всего мира.

Он обхватил лицо юноши ладонями и хрипло спросил:

— Скажи мне, ты хочешь выйти?

Цзянь Хуай слегка склонил голову набок. Его волосы рассыпались по лбу, закрывая брови. Он пристально смотрел на мужчину — на его волевые черты, на резкие морщинки в уголках глаз и на красную сетку лопнувших сосудов, свидетельствующую о крайнем напряжении.

Глядя на него, Цзянь Хуай вдруг отчётливо ощутил, как тяжело и мерно бьётся сердце в его собственной груди. Он почувствовал, что жив.

Он убрал руку с оконной рамы и накрыл ладонь Шэн Вэньяо своей, принимая его тепло.

— Хочу, — негромко ответил он.

Цзянь Хуай на мгновение замолчал, не отрывая взгляда от глаз, в которых был заперт лишь он один.

— Я хочу спуститься и посмотреть.

<http://bllate.org/book/17462/1696953>